

— Я тебя разбудил? — Чжоу Цзыцянь подошёл к кровати и увидел, что в руках у Е Тао была нефритовая табличка, которую он всегда носил с собой. Во время похищения он использовал её, чтобы написать записку с просьбой о помощи, и тогда она немного повредилась, но он всё равно бережно хранил её, всегда нося при себе.

Е Тао покачал головой, сначала вложил табличку в руку Чжоу Цзыцяня, а потом сказал:

— Подари её мне.

— Дорогой, что с тобой? — Чжоу Цзыцянь надел табличку на него, а затем обнял вместе с одеялом. — С вечера ты ведёшь себя странно, расскажи дяде, что случилось.

Е Тао взглянул на настольные часы на тумбочке:

— Тебе пора идти.

Чжоу Цзыцянь усмехнулся:

— Снова прогоняешь, если так продолжишь, я правда начну думать, что ты меня недолюбливаешь.

— Я кое-что подготовил, отправил в компанию, пойдёшь, заведи.

— Что? Что за вещь? Зачем отправлять в компанию?

— В компании это будет выглядеть естественно, даже если кто-то лишний увидит, не станет думать лишнего. — Е Тао отстранил его руки, обнимающие его, и откинулся на подушку, полузакрыв глаза, словно устал. — Не спрашивай, когда принесёшь, всё объясню.

Чжоу Цзыцянь так ничего и не выяснил, но с полным недоумением вышел из дома.

После его ухода Баобао вошёл в комнату. Е Тао поднял котёнка, который спокойно смотрел на него, и тихо сказал:

— Делай, как считаешь нужным, я не буду вмешиваться.

Баобао не ответил, лишь спрятал голову в груди Е Тао. Он никогда не говорил, что ненавидит, когда его обнимают, но в объятиях Е Тао он чувствовал себя в безопасности, хотя, возможно, таких моментов больше не будет.

Когда Чжоу Цзыцянь вернулся с совещания, он получил то, о чём говорил Е Тао. Это было что-то вроде резюме с несколькими фотографиями и свидетельством о смерти.

В отличие от того, что сказал Е Тао, эти документы принёс не курьер, а Ло Дун лично, и объяснения, которые должен был дать Е Тао, тоже произнёс Ло Дун.

— Хорошая история, если интересно, можешь связаться со сценаристами из киностудии Гуаньюй и сделать из этого сценарий. — Чжоу Цзыцянь бросил фотографии перед Ло Дуном, спокойно сказав. — У этого человека неплохая внешность, если бы он был жив, я бы рекомендовал его на пробы.

Эти слова показались Ло Дуну колкими, он не был человеком с мягким характером, но сейчас не время было злиться.

— Цзыцянь, я говорю не о выдумке, это случилось с моим лучшим другом. — Ло Дун взял фотографию Е Тао, проведя пальцем по пожелтевшему краю. — Это должен был рассказать он, но кто бы ни говорил, тебе будет тяжело это принять. Он слаб здоровьем, не может переносить лишние волнения, поэтому я взял инициативу на себя.

После стольких испытаний и невзгод Е Тао давно уже не верил, что человек может преодолеть судьбу. Теперь он верил только в причинно-следственную связь, в то, что посеешь, то и пожнёшь, поэтому, принимая решение уйти, он был готов к тому, что Чжоу Цзыцянь будет винить его, даже ненавидеть, но он не хотел, чтобы другие пострадали, поэтому запретил Ло Дуну упоминать их связь.

Конечно, Е Тао понимал, что по характеру Чжоу Цзыцянь обязательно заподозрит, что Ло Дун его старый знакомый, и рано или поздно выйдет на него. Он сделал это только для того, чтобы выиграть время, надеясь, что его друг не окажется перед Чжоу Цзыцянем в самый трудный момент, когда тот будет наиболее склонен к гневу.

Однако Ло Дун тоже думал об этом. Е Тао не хотел, чтобы его втягивали, и он боялся, что Е Тао пострадает, поэтому, подумав, он сам пришёл.

— Почему я должен тебе верить? Из-за этих документов, которые может подделать кто угодно? Или из-за этих старых фотографий? Ладно, Ло Дун, я знаю, ты любишь пошутить, но эта шутка неудачная, извини, не могу поддержать. — Чжоу Цзыцянь был спокоен, но это спокойствие явно не соответствовало реакции нормального человека на столь невероятную историю.

Ло Дун знал, что его спокойствие — притворство, хотя он старался выглядеть естественно, даже контролировал тон, но он лично слышал, как он уговаривал Е Тао уйти из семьи Чжоу. Тогда он сделал поспешные выводы, думая, что между ними что-то есть, теперь он может так думать? Разве что второй молодой господин Чжоу слеп и глух, иначе, даже если он не поверит полностью, он хотя бы усомнится.

Ло Дун, обычно не склонный к извинениям, встал и серьёзно сказал:

— Цзыцянь, чтобы помочь ему, я тоже тебя обманул, здесь я прошу прощения. Злись на меня, делай что хочешь, но не будь слишком строг к нему, он был вынужден.

— Если бы это было правдой, я бы аплодировал вашей крепкой дружбе, но это просто абсурдная шутка. — Чжоу Цзыцянь поднял остывший кофе, сделал глоток, а когда поставил чашку, мизинец слегка дрогнул. — Ладно, ты ведь занят, шутка рассказана, можешь идти.

С этими словами он нажал на внутренний звонок и вызвал секретаря.

— Господин Ло, пожалуйста, — секретарь вежливо протянул руку.

Ло Дун ничего не мог поделать, его вежливо выпроводили.

Как только они вышли из кабинета, Чжоу Цзыцянь швырнул кофейную чашку на пол. Чашка разбилась, осколки разлетелись, на элегантной плитке появилась длинная трещина.

Грудь Чжоу Цзыцяня несколько раз сильно вздымалась, затем он закрыл глаза, подавив бурю эмоций, сунул документы и фотографии в папку и быстро вышел из кабинета.

Он мчался на машине, не считая, сколько светофоров проехал на красный, пока не остановился перед тихим домом в районе вилл.

Ци Хэ поспешно вышел встретить его, увидев, что лицо Чжоу Цзыцяня было холодным, а вокруг него витала аура, от которой хотелось держаться подальше.

— Где Юньси? — Чжоу Цзыцянь, не останавливаясь, шёл внутрь, задавая вопрос.

— В оранжерее, — Ци Хэ, боясь быть обвинённым, с трудом шёл за ним, объясняя. — Молодой господин сказал, что в спальне слишком сыро, хочет погреться на солнце, я пытался его отговорить...

— Не твоя вина, не поднимайся. — Чжоу Цзыцянь с раздражением прервал болтовню Ци Хэ и быстро поднялся вверх.

Оранжерея на верхнем этаже давно не использовалась. В огромной стеклянной оранжерее не было ни цветов, ни растений, только несколько оставшихся столов и стульев, система контроля температуры тоже давно не работала, но Е Тао настаивал на том, чтобы быть здесь. Ци Хэ не смог его остановить, только дал ему тёплую одежду, плед и горячий чай.

Дверь на верхний этаж была резко открыта и с силой захлопнута, громкий звук заставил Баобао, сидящего на коленях Е Тао, вздрогнуть. Он посмотрел в сторону и увидел, как Чжоу Цзыцянь с холодным лицом подходит к ним.

Е Тао опустил Баобао на пол, велел ему уйти, но котёнок не хотел, и после нескольких попыток прогнать его, он остался, прижавшись к ногам Е Тао.

Чжоу Цзыцянь с порывистыми шагами вошёл в оранжерею и швырнул папку перед Е Тао:

— Что это?

Увидев его гневное лицо, Е Тао вынул иглу из руки, достал содержимое папки и, просмотрев несколько страниц, понял, почему реакция Чжоу Цзыцяня превзошла его ожидания.

Е Тао положил документы на стол, прижав кровоточащее место от укола, спросил:

— Кто принёс?

Чжоу Цзыцянь гневно крикнул:

— Я спрашиваю, что это?!

— ...Мои документы. — Е Тао поднял взгляд на него, лицо было без эмоций, но глаза выражали сложные чувства. — Я не твой племянник, я просто... чужой, который выжил, скрываясь так долго, я...

Чжоу Цзыцянь схватил его за воротник, поднял с кресла и сквозь зубы сказал:

— Говори правду! Если скажешь ещё одну ложь, я сломаю тебе ноги!

Баобао затаил дыхание, боясь, что в порыве гнева Чжоу Цзыцянь причинит вред Е Тао.

— Это правда. — Е Тао, дрожа губами, медленно произнёс то, что было трудно принять, хотя он не хотел, чтобы этот человек страдал от потери близкого. Но Баобао не хотел, чтобы он узнал, что его племянник превратился в кота, и он мог дать только такую ранящую правду.

— Ты ещё смеешь врать! — Чжоу Цзыцянь сузил глаза, рука, держащая воротник Е Тао,

внезапно разжалась, и прежде чем Е Тао успел упасть обратно, Чжоу Цзыцянь ударил его по лицу.

Эх, жаль, что происхождение и положение Ло Дуна обязывают его жениться и завести детей, иначе я бы поручил ему заботу о Е Тао.

PS: Е Тао не умер молодым, и Чжоу Цзыцянь не был вдовцом долго, не надо додумывать.

<http://bllate.org/book/17687/1650245>